

лей. Амурского бюро критики Читинского отделения Союза советских писателей, организовывал в БГПИ встречи с писателями, в т.ч. с В. Колыхаловым, Л. Завальнюком, Л. Андреевым.

В нач. 1960-х молодой исследователь обратился к изучению неоткрытых страниц сибирской и дальневосточной литературы. В 1966 в Хабаровском кн. изд-ве вышел биографический очерк Л. «Председатель «Таёжного исполкома»», посвящённый журналисту, писателю и революционеру С.С. Шилову. Собранные для очерка материалы легли в основу канд. диссертации «Литературное Забайкалье предоктябрьской поры», успешно защищённой в 1968

Борис Афанасьевич Лебедев.
Скульптурный портрет
к надгробию, выполненный
Павлом Никиткиным.

в Томском ун-те, и статьи о Шилове для «Краткой литературной энциклопедии» (1975). Среди других значимых исследований Л. по лит. краеведению – «Литературные и культурные интересы Забайкалья» (1969), «К истории литературной критики в Сибири: М.А. Колобов» (1976). В этих работах учёный рассматривает проблемы сибирской и дальневосточной литературы в годы подъёма освободительного движения и включает творчество региональных авторов в общероссийский контекст. Немалое внимание уделял Л. исследованию этнографического и социального аспектов жизни народов Забайкалья. В 1970–1980-е он обращается к работе над монографией «Литературный отдел газеты «Восточное обозрение»», оставшейся незавершённой.

Поэт и прозаик Валерий Черкесов, учившийся на истфиле БГПУ, писал о Л.: «Он говорил, что был бы счастлив / остаться в российской словесности / хотя бы сноской, набранной непарелью, / в каком-нибудь учебнике по литературе» («Филологи»). В российской словесности учёный-краевед остался благодаря не только своей исследовательской, но и преподавательской работе: он сыграл значительную роль в становлении известных прозаиков и поэтов Приамурья, среди которых Владислав Лецик, Игорь Игнатенко, Игорь Ерёмин, Анатолий Могильников и многие др. Павел Никиткин, поэт, прозаик, художник и скульптор, изваял на могиле любимого учителя скульптурный портрет.

Соч.: Председатель «Таёжного исполкома»: Биограф. очерк: [О С.С. Шилове]. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1966. 64 с. (Серия «Замечательные дальневосточники»); Литературное Забайкалье предоктябрьской поры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 1967. 25 с.; Литературные и культурные интересы Забайкалья: Предреволюционный период // Вопросы русской и советской литературы: Сб. науч. тр. БГПИ им. М.И. Калинина. Русская литература. Вып. 2. Благовещенск, 1969. С. 19–20; С.С. Шилов // Краткая лит. энцикл. / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Стб. 718; К истории литературной критики в Сибири: М.А. Колобов // Очерки литературы и критики Сибири: XVII–XX вв.: Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск: Наука, 1976. С. 183–192.

Лит.: *Вайсман Н.* Воин, патриот, учёный, человек: Памяти Б.А. Лебедева // Благовещенский гос. пед. университет: 1930–2010. Благовещенск: РИО, 2010. С. 261–263; *Черкесов В.* Филологи // Амур: Лит. альманах БГПУ. № 9. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 4–5.

Н.В. Киреева

ЛЕВЧЕНКО Николай Романович [27.4.1947, с. Уркан Тындинского р-на Амурской обл.] – амурский поэт, художник, член Союза писателей России (с 2004). По профессии – врач, преподаватель Амурской гос. мед. академии.

Родился в семье рабочего. Отец – Роман Иванович – выходец из крестьян, переселенцев из Украины. Мать – Антонина Каземировна – родом из Сибири. Семья их обосновалась в с. Троицком Ивановского р-на, но в 1930-х были «краскулаченны» и отправлены на северные прииски в п. Уркан Джелтулакского (ныне Тындинского) р-на, где впоследствии и родился будущий поэт.

Сам он говорит о времени, в котором выпало родиться, и о родителях своих с благодарностью: «Я был поздним ребёнком, моему отцу было 33, когда я появился на свет. Родители мои к тому времени претерпели очень многое и от 20-х, и от 30-х, и от 40-х лихих лет. Наверное, впереди маячили какие-то новые, более счастливые времена, потому что после всего пережитого представить времена менее счастливые было уже невозможно. В течение трёх десятилетий людям моей страны, и моим родителям тоже, можно было мечтать только о том, чтобы выжить. Впервые за долгие годы впереди начала смутно мерцать надежда жить. В этом мерцании новых времён я и произрастал, счастливо окружённый надеждами и любовью». В 1950 семья переехала в Благовещенск. Здесь руками деда и отца был поднят дом, образ которого запечатлён в «Поэме старого Дома»: «Старый дом – потрёпанный книжный том, / Готовый вам рассказать о том, / Что жизни каждый прожитый миг / Жив. <...>».

Интерес к литературе и живописи у Л. возник ещё в школьные годы. Любовь к поэзии привили родители – большие любители чтения. Именно отец, рабочий человек, далёкий от лит. жизни, но выписывавший чисто писательскую тогда «Лит. газету», научил уважать книги. Поэт вспоминает, что самым «запомнившимся» детским подарком была стопочка тонких, дешёвых детских книжек». Отец, умевший делать своими руками всё, от детского кораблика до настоящей лодки и телескопа, навсегда заразил сына игрой, сделал прививку весёлого творческого отношения к жизни. С большим теплом вспоминает поэт и о матери, ласково называя «матушкой»: «Матушка моя была большая любительница чтения. <...> Читала мне наизусть Некрасова. Ей я обязан и уроками живописи <...>. Она долгое время была зайдой вышивальщицей, вышивала гладью. <...> Её рукоделия отличались <...> одним свойством, которое бы я сейчас назвал гармонией цвета. Это её врождённое чувство цвета я предметно ощутил».

Счастливые продолжение детские увлечения получили в школьные годы. Учитель литературы СШ №11, в которой поначалу учился Л., – Мария Фёдоровна Новикова была талантливым педагогом, умевшим не только прививать любовь к художественному слову, но и разглядывать в своих учениках ростки талантов. Сочинения будущего поэта она хвалила, по его словам, отнюдь «не за их грамматические свойства». Наверное, с самого начала слово у Л. было неотделимо от цвета, формы, объёма и требовало продолжения в картине. Очевидно, эта подспудная тяга к гармонии заставляла мальчишку «жорпеть по вечерам» в изостудии Дома офицеров, где преподавал художник Валерий Алексеевич Маклаков.

По оконч. школы, захваченный романтической мечтой, Л. прошёл медкомиссию для поступления в военно-морское училище, но почти неожиданно для себя принял решение связать жизнь с врачеванием. Будущий поэт с отличием окончил медин-т и аспирантуру, став впоследствии кандидатом мед. наук, преподавателем кафедры патологической анатомии АГМА и врачом обл. онкологического диспансера.

Уже будучи врачом, Л. вновь обращается к живописи. Она становится главным делом души, рисованием заполняются «паузы между домашними делами и работой». Одно время Л. возглавляет Ассоциацию художников-любителей Амурской обл., создаёт на телевидении цикл передач «Палитра», посвящённый беседам об искусстве с «разными здешними художниками», участвует в обл. и городских художеств. выставках.

А с 1995 «попились» стихи. Ранее эпизодические поэтические эксперименты («по случаю» и «на случай») обратились в серьёзное увлечение. То, что врач стал поэтом, для русской литературы явление не исключительное, если не сказать – странно закономерное. Очевидно, это происходит потому, что жизнь чаще всего «показывает свой край» именно врачам. «Для меня, врача, микробиолога, – размышляет поэт, – сперва погружённого в созерцание и постижение бесконечного совершенства живой материи, последующее наблюдение её распада казалось невыносимым. Над здоровым ребёнком кто станет молиться? Тут радость уместна. Над серьёзно больным начинает молиться и тот, кто до сих пор о том и не помышлял. Как не помышлял о хрупкости любого нашего благополучия, о бесконечной ценности любого дня нашей жизни, которая вдруг увидится и конечной, и в любой день готовой сменить-

ся муками болезни. А для молитвы нужны слова». Сокрушённое созерцание конца и размышления о вечности – вот, наверное, первопричина обращения Л.-врача к поэзии.

В 1998 произошла знаковая встреча поэта с будущим редактором – поэтом и прозаиком В. Лециком. Написанные в разные годы стихи были объединены в сборник «Друзьям и рекам», вышедший под его редакцией в 2000.

Дружбу с Лециком окончательно скрепила работа над второй книжкой стихов «Тебе и Городу». В 2004 этот сборник получил диплом как лучшая поэтическая книга года. По двум книгам Л. в том же 2004 был принят в Союз писателей России.

В 2006 к 150-летию юбилею Благовещенска вышла ещё одна книга стихов – «Городской романс». В ней впервые опубликованы две большие поэмы «Поэма старого Дома» и «Поэма Города» и цикл пародий и эпиграмм, посвящённых коллегам по поэтическому цеху, что позволяет читателю оценить всю многогранность творчества поэта. Стихотворения Л. регулярно появляются на страницах альманахов «Приамурье», «Амур», газет Благовещенска и области.

В 2008 появляется на свет новая книга стихов – «Осень в Благовещенске». В неё вошли как лучшие, полюбившиеся читателям стихотворения разных лет из предыдущих сборников, так и новые, ещё неизвестные, написанные в период с 2006 по 2008, а также поэма «Осень в Благовещенске», созданная в это же время.

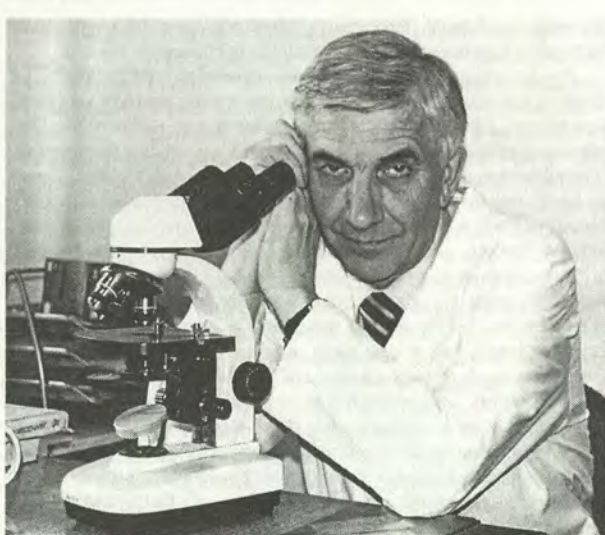
В альманахе «Приамурье» (2008) опубликованы первые прозаич. опыты Л. – рассказы «Шок», «Психотерапия в свободное от основной работы время», «Медосмотр», в основу которых положены сюжеты из врачебной практики писателя. Это своего рода продолжение булгаковской традиции, его «Записок юного врача», но, скорее «записки зрелого врача». Остроумные, ироничные и вместе с тем философичные, они, действительно, больше подходят на короткие записки, эссеистические зарисовки с натуры, подобные воздушной авторской графике, что органично дополняет поэтические строки, создавая законченные художественные образы его стихов.

В 2011 получило своё художественное завершение увлечение поэта пародиями и эпиграммами – вышла небольшая книжка «Темы и вариации». И здесь поэт не перестает чувствовать себя «медицинским» работником: книгу открывают авторские строки: «Поэзия – как первозданный лес, / И в нём, для экологии процесса, / Среди пасущихся поэтов, поэтесс / Есть пародисты – санитары леса». В зеркале пародии смогли увидеть себя известные амурские поэты и прозаики: И. Игнатенко, О. Маслов, В. Лецик, А. Бобошко, А. Воронков и др. Пародии Л. чаще всего строятся на стилизации: будучи внимательным, вдумчивым читателем, поэт подмечает стиливые особенности, «случайные» строчки своих собратьев по цеху и, отталкиваясь от них, создаёт тонко-ироничные тексты.

В Л. легко сочетаются поэт и живописец. Обложки его книг оформлены собственными акварелями, да и сама его поэзия акварельно-прозрачна. В ней нет резко очерченных линий, и вся она выполнена в гамме, далёкой от чёрно-белой. Она беспардонна и негромка. И по-хорошему провинциальна: «Провинциальных муз негромкий разговор, / Небыстрое перо, пробег неяркой кисти, / Не Бог какие весть, но собственные мысли – / Народного шитья застенчивый узор» («Провинциальные музы»).

В биографии Л. отсутствует то единственное, всеопределяющее событие, каким, возможно, для амурских поэтов предыдущих поколений была война, переселение, освоение новых земель, строительство БАМа. Л. принадлежит к тем писателям, для которых амурская земля была родиной от начала, которые с младенчества дышали её воздухом, слышали её сердцебиение, прониклись её ритмами. Поэтому не одно какое-то событие, а сам неспешный ход провинциального бытия, медленный и размеренный, оказал определяющее воздействие на его поэзию, запечатлелся в её «обыкновенности».

Л. относится к породе импровизаторов. Он обладает хорошим вкусом и чувством меры. Пишет легко, остроумно, но не претендует на многое. У него есть внутренний сторож – культура. А потому он способен трезво оценить свои сочинения. Культурная вменяемость и адекватность самооощущения себя в мире, в т.ч., и в мире литературы, позволяет Л. быть поэтом без приставки «провинциальный». Как это ни пара-

Николай Левченко в рабочем кабинете.

доксально, именно потому, что он спокойно признаёт свою принадлежность провинции и не стремится равняться на географич. и поэтич. центр.

Естественность и гармоничность, мудрое принятие жизни такой, какая она есть – отличительные свойства его стихов. Это оттого, наверное, что пришёл он в поэзию во «второй половине сентября» своей жизни. Поэзия его стала своеобразным способом воспоминания и сохранения памяти, способом духовного сопротвления забвению, преодолением конечно-

*О, как земля на чудеса богата
И чудесам конца и края нет!
Поэт в России – больше, чем поэт,
Он иногда еще патологоанатом...*

Автошарж из книги «Темы и вариации».

сти земного бытия. Возможно, поэтому его стихи так архитектурны, сдержанно консервативны и классицистичны.

Архитектурность как поэтич. качество уплотнялось от сборника к сборнику. С умножением стихов у поэта возникало желание оформить их в лирические циклы – ансамбли. Тяготение к такому свидетельствует об элитности мышления, о стремлении изобразить широкую эпическую картину мира со всей присущей ей сложностью внутренних и внешних взаимосвязей, наконец, о возможности и способности осмыслить её глубже, нежели позволяет отдельное стихотворение.

Это стремление обнаруживает себя уже в сборнике «Городской романс». Стихотворения объединяются в циклы: «Город рек», «Городской романс», «Свет небесный». Последний цикл уже в том виде, в каком читатель его узнал в этом сборнике, представляет собой целостный и завершённый ансамбль – явленный в поэтич. слове разговор поэта с Богом и о Боге – с читателем. Это не разговор проповедующего вечные истины дидакта, а доверительная дружеская беседа, в которой всегда есть место и серьёзному, и шуточному. Такие стихотворения, как «Рождество», «О Боге говоря, мы пили пиво...», «Как корни пьют земли весенний сок...», вносят в приличествующую теме минорную тональность лёгкую шутливую интонацию, делая лирическую ноту цикла более чистой и правдивой. Л. – поэт балансирует на туго натянутом между пафосом и иронией канате. Негромкий звон, исходящий из этого натяжения-напряжения, наверное, и есть его камертон.

Архитектурность поэзии Л. проявляется не только в стремлении к циклизации. Архитектура как застывшее время зачастую становится поводом для поэтич. сюжетов его стихотворений и, в особенности, поэм. Дом, Храм, Город – гл. действующие лица его лирических книг (что нашло отражение и в названиях всех сборников). Именно в этих архетипических хронотопах разворачивается драма человеческой жизни с вечным сюжетом: пространство – время – человек («Мы живём, чтобы стать почвой истории, / Настоящее кажется будафорией. // Старый храм или замок / Расскажут вам больше, чем новый рынок. / Ясно – в последнем больше картинок, / Но к вечеру они станут сором ихламом, / Чего никогда не бывает с храмом») («Поэма старого Дома»). Для благовещенцев поэзия Л. – это откровение о самих себе и родном городе, в который он влюблён. Знакомые городские черты, преобразённые словом и кистью художника-поэта, обретают иное – вечное – значение и «важный смысл иной».

Поднявшись из крепкой семьи, сложившись в гармоничной целостности и непрерывности семейных, культурных традиций, поэт воплотил этот мир в насыщенных рефлексией поэтич. образах. Если попытаться сказать о поэзии Л. неск. словами, то, скорее всего, это будут «грусть», «память», «обычай», «рефлексия», «ирония», «многозначность». Его поэзия – это некий «лирический архив», «грустное ретро», поэзия исчезающего («... Уходит мир, привычный глазу, / Всплывают в старом доме стены...»). В центре её лирическое «я», живущее где-то на границе между бытием и небытием. Быт, окружающий его, очень родной, милый, но уже как бы неживой, музейный, как будто открытый будущим археологом Ноев ковчег. Чувство, испытываемое лирическим героем, – ностальгическая печаль. Но вместе с тем, стихотворения поэта нельзя назвать пессимистическими, ведь жизнь – «бешабашная бегунья, / за ней по кругу мчимся мы, / И вновь – осенние раздумья, / И вновь – безумия весны». Надежду на весну, на Воскресенье даёт поэту тихая «тихая вера / В то, что Господь есть над нами». Поэтому итогом размышлений поэта всегда остаётся просветление: «Тихое, тихое счастье / Жить между прошлым и новым, / Соединив их отчасти / Тихой своей любовью». Конечность земного существования преодолевается памятью, любовью, поэзией.

Стиль Н. Левченко намеренно нейтраллизован, уравновешен умеренным сочетанием свойств живой разговорной речи и высокой патетичности, сознательным смешением иронии и лиризма. Элегичность, светлая печаль, лёгкая ирония – вечные спутники мудрой зрелости, присущи большинству стихотворений Левченко. Может быть, поэтому одной из гл. героинь его лирики является осень. От стихотворения к стихотворению неспешно и вдумчиво рисуются им сменяющиеся

друг друга осенние пейзажи – природные ландшафты и ландшафты человеческой души: «В доме – ранняя осень <...> / Ранняя осень в душе. В течении времени плавном / Музыка будет для нас утешителем или врачом, / Осени песня без слов, о чём-то о самом главном – / Это нам раньше казалось, что песня почти ни о чём».

Размышления на эту тему продолжают и в автобиографич. прозе поэта, где он говорит о своих занятиях живописью и поэзией с достоинством и скромностью самодостаточного, состоявшегося художника: «...и поэты невеликие достойны уважения: без опушки большой лес не живёт. К этой опущенной флоре я отношу и себя». Он искренне считает, что творчество – это нормальное состояние и нормальное поведение живой, неуспокоенной человеческой души. Это единств. способ остановить мгновение, вернуть «долг любви и надежд» «бесследно, словно трава, ушедшим родителям, пра- и прапрадедушкам». Искусство есть воплощённая память: «В слове каждое мгновение может жить долго. Это почти что сотворение мира. Можно ли после этого не быть счастливым?»

Соч.: Друзьям и рекам: Стихи. Благовещенск: ООО Издательская компания «РИО», 2000; Тебе и Городу: Стихи. Благовещенск: ООО Издательская компания «РИО», 2003. 80 с.; Городской романс: Стихи / Серия «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. 128 с.; Шок. Психотерапия в свободное от осн. работы время. Медосмотр // Приамурье – 2008. Лит.-художественный альманах. Благовещенск: Амурская обл. писательская организация. Издательская компания «РИО», 2008. №8 (26). С. 245–252; Осень в Благовещенске: Стихи. Благовещенск: ООО Издательская компания «РИО», 2008. 112 с.; Темы и вариации. Благовещенск: ООО Издательская компания «РИО», 2011. 44 с.

Лит.: Красовская С.И. Поэт Николай Левченко на лит. «опушке», или Не место крапит человека, а человек – место // Лосевские чтения – 2012: Материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. С. 111–119.

С.И. Красовская

ЛЕГРА Жюль (Legras Jules) [1866 – 1939] – французский филолог, переводчик, писатель, автор работ о русской литературе и книги очерков, в которой рассказывает о посещении им Благовещенска в 1897.

Л. – один из немногих известных европейцев XIX в., которые, попав однажды в Россию, навсегда влюбились в неё и старались вновь и вновь посетить её, подолгу жили и путешествовали в ней. Даже сталкиваясь с тёмными сторонами российской действительности, они проявляли терпимость и понимание, не спешили судить, руководствуясь чисто европейскими представлениями.

Л. живо интересовался русской культурой и особенно литературой, был знаком с крупнейшими писателями того времени – Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, В.Г. Короленко. Дружил он и с видными политиками, например, с А.И. Гучковым и П.Н. Миллюковым. В Россию впервые приехал в 1892, пробыв здесь почти полгода. В общей же сложности Л. провёл на русской земле девять лет, совершая длит. поездки по стране, в т.ч., в 1896–1898 дважды побывая в Сибири. Нелишне отметить, что в то время строительство Транссибирской ж.-д. магистрали ещё только начиналось, поэтому путь на Дальний Восток, с заездом в Японию, был и долг, и сопряжён с немалыми бытовыми неудобствами. Русские впечатления французского учёного отразились в ряде его сочинений: «Au pays russe» («На русской земле»), «En Sibirie» («По Сибири»), «Lettres de Russie» («Письма о России»). В них он призывал европейцев не судить русских по своим собств. меркам и стандартам. Русские, по его мнению, наименее дисциплинированный народ в Европе, но отличающийся стремлением к высшему, духовному. В этом учёный видел проявление глубинной религиозности, более мистической, чем в Европе. Осн. свойства русского народа, по Л. – природное изящество, обаятель-

